

КИРИЕНКО
Иван Вячеславович

магистратура, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
kirienko.ivan97@gmail.com

СТРАТЕГИИ УСКОЛЬЗАНИЯ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ А. Я. ГУРЕВИЧА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА (1945—1953 ГГ.)

Научный руководитель:
Антощенко Александр Васильевич

Рецензент: И. М. Соломеш

Статья поступила: 09.06.2023;

Принята к публикации: 11.06.2023;

Размещена в сети: 25.06.2023

Аннотация. Предметом рассмотрения являются особые формы избегания и нивелирования социально-политического контроля, использовавшиеся российским медиевистом А. Я. Гуревичем на раннем этапе его биографии. Источниковую основу статьи составляют автобиографические воспоминания А. Я. Гуревича и Е. В. Гутновой.

Ключевые слова: А. Я. Гуревич, Е. В. Гутнова, А. И. Неусыхин, мемуары, советская медиевистика, стратегия ускользания, субъективизация, сталинизм

Для цитирования: Кириенко И. В. Стратегии ускользания: академическая жизнь А. Я. Гуревича в эпоху позднего сталинизма (1945—1953 гг.) // StudArctic Forum. 2023. Т. 8, № 2. С. 8—14.

Различные стратегии ускользания пока не оформлены на уровне целостной теории. Однако употребление этого словосочетания связывается с каскадом весьма разрозненных обозначений, используемых представителями гуманитарного знания, обращающихся к особому типу человека, который не мирится с существующей общественной диспозицией. Данная проблема может быть манифестирована высказыванием социолога З. Баумана: «Побег и ускользание, легкость и переменчивость пришли на смену мощному и зловещему присутствию как главным приемам господства» [Бауман: 44]. Однако если рефлексия З. Баумана относится ко времени возникновения постиндустриального общества, то наши интуиции в этом смысле нацелены на выявление данного феномена в эпоху позднего сталинского тоталитаризма, ограниченного пространством кафедры Средних веков МГУ. Можно заметить, что историков подобная оптика восприятия прошлого фактически не интересует, если не считать таковым М. Фуко с его работой «Надзирать и наказывать». Итак, перед нами стояла задача задействовать некоторые понятия, имеющие потенциал применимости к особой форме поведения, которую мы именуем стратегиями ускользания.

А. Я. Гуревич (1924–2006 гг.) был известным медиевистом, специализировавшимся на исследованиях в области ментальности средневекового человека и скандинавистике. Наше обращение к этой фигуре неслучайно потому, что А. Я. Гуревич надиктовал автобиографию, в которой отразил сложные перипетии собственной научной жизни в эпоху позднего сталинизма. В своей «Истории историка» автор давал понять, что критически воспринимал тоталитаризм И. В. Сталина, и это – отправная точка наших рассуждений о субъекте, противопоставленном системе.

Перед поступлением в аспирантуру в 1946 г. А. Я. Гуревичу предстояло определиться с кругом своих научных интересов. Несмотря на успехи в освоении греческого языка, он проникался все большим недовольством в отношении предмета своего исследования, к тому же «...византийские порядки напоминали мне сталинскую действительность» [Гуревич 2004: 46]. Тем не менее, он успел выпустить статью с критикой концепции М. В. Левченко, объяснявшего движущие силы восстания Ника (532 г.) конфликтом между торговыми и землевладельческими кругами. Эта чисто марксистская дискурсивная универсалия [Барт: 427] была подвергнута критике, в рамках которой А. Я. Гуревич предложил воспринимать происходящее через призму борьбы разных церковных партий. Следствием публикации статьи стало обвинение А. Я. Гуревича в покушении на «лучшие традиции советского

византиноведения» [Гуревич 2004: 46]. Стоит отметить, что за этим нормальным для академической жизни проявлением различных точек зрения на рассматриваемый предмет можно обнаружить скорее стратегию ускользания, нацеленную на сохранение собственной научной идентичности, нежели попытку остаться на плаву в бурном потоке академической жизни. Эта критика была характерна тем, что в повествовании А. Я. Гуревича уже вступившие в процесс банализации марксистские предпосылки как «главное действующее вещество» были вытеснены историзацией церковных перипетий. В данном случае есть некоторые основания говорить о вторжении «маленького рассказа» как образцовой формы научного и творческого самовыражения [Лиотар: 144], противопоставленного главенствующему историческому дискурсу. Возможно, конечно, что А. Я. Гуревич не хотел таким образом выразить протест против весьма специфического марксизма советской историографии рассматриваемого периода, искавшей повсеместно «революцию рабов» [Гутнова: 292], а руководствовался чисто научными соображениями. Однако в пользу нашего восприятия говорит развязка этого сюжета, воспринятая некоторой частью исторического сообщества как вызов и покушение на устоявшиеся, а значит, одобренные властью объяснительные модели.

Этот эпизод имел судьбоносный характер для А. Я. Гуревича, т. к. после него он стал интересоваться историей Европы – чужих и даже чуждых стран, которые в современной ему обстановке вели идейную войну на уничтожение с СССР, что само по себе заслуживает особого осмысления [Уваров: 82]. Несколько отходя от магистральной линии нашего повествования, считаем резонным задать вопрос: не было ли в этом интересе скрытой попытки совершить внутреннюю эмиграцию? Пожалуй, что нет. В своей работе «Между ежами и лисами» П. Ю. Уваров отмечает следующее: советская медиевистика имела ценность в глазах власти по той причине, что на страницах работ ее представителей содержались многочисленные обоснования преимуществ социалистической системы над капиталистической. Более того, советская медиевистика выступала на переднем крае идеологической кампании по «разоблачению буржуазных историков» [Уваров: 82]. А. Я. Гуревич, серьезно относившийся к марксизму, как теории объяснения движущих сил исторического процесса, но не философии истории [Гуревич 2006: 89], обозначил, что воспринимал его ленинскую интерпретацию весьма скептически.

Следующим избранным нами для рассмотрения эпизодом является скорее не произошедшее осенью 1946 г. отчисление А. Я. Гуревича из аспирантуры по причине его еврейского происхождения, а инициированное им действие, направленное на восстановление статуса-кво. В кругу отчисленных из аспирантуры А. Я. Гуревич оказался не один – та же участь постигла и остальных – место сохранилось только за представителем «коренной национальности» [Гуревич 2004: 45]. Письменная жалоба в «инстанцию» (автор использует характерный троп иронии в отношении одного из органов советской бюрократической власти) возымела успех, и А. Я. Гуревич был восстановлен в статусе аспиранта. В нашей работе подразумевается отношение к стратегиям ускользания и понимание субъекта, постоянно находящегося в режиме «пониженной видимости»; по крайней мере, он стремится к ней как идеальному типу. В рассматриваемом случае, который А. Я. Гуревич связывает с везением, мы можем видеть такую форму социальной маскировки, которой уподобляется разведчик в тылу врага. Обращение аспиранта в «улей» – этой метафорой мы маркируем институциональные средоточия властных отношений, из которых, как из расплода, выходит рой пчел, на уровне повседневной жизни представленных различными начальственными распоряжениями, заслуживает внимания. «Власть распоряжения» может восприниматься как своего рода сигнал, вызов, инициирующие различные техники субъективации как адаптации к меняющейся среде, процессу складывания субъекта [Фуко 2006: 284]. Такая метафора представляется нам удачной потому, что практика взаимодействия с органами власти часто сопровождается дискурсивным паттерном «обратиться наверх», т. е. проникнуть, пробраться в улей на верхушке дерева (метафора дерева как жесткой иерархичной структуры, найденной Ж. Делёзом и Ф. Гваттари). Сам А. Я. Гуревич именовал их «вездесущими официальными надзирателями» [Гуревич 1994: 15].

Мы можем сказать о функционировании некоей системы, которая помогала А. Я. Гуревичу пережить это сложное время, и использовавшейся им по противоположному назначению. Так, во время работы в Калининском педагогическом институте он дважды подвергался увольнению, дважды обращался с жалобой с Министерством просвещения РСФСР и дважды восстанавливался в должности... Итак, возвращаясь с его отчисления из аспирантуры, отметим, что эта письменная жалоба А. Я. Гуревича в глазах представителя «куля» – президента Академии В. И. Вавилова – легитимизировала субъекта, который вознамерился решить проблему в ее координатной сетке. Иными словами, А. Я. Гуревич признавал власть и ее авторитет на формальном уровне. Лингвистический поворот учит нас внимательному отношению к языку. Нам представляется уместным сравнить это взаимодействие субъекта и власти не с ускользанием (он позволил явно себя обнаружить, привлек «лишнее» внимание), а с проскальзыванием... к сожалению, автобиография историка подробно не освещает конкретного содержания разговоров с советскими чиновниками, которые также имели место, что позволило бы нам предпринять попытку выявления «субъективации» / ускользания / проскальзывания на уровне языка. Однако характерен его разговор с И. И. Минцем, который А. Я. Гуревич представил как «лекцию по политинформации о дружбе народов», за которой последовала реплика отчисленного аспиранта о том, что ему «требуется маленькое доказательство этому» [Гуревич 2006: 47]. Так в кулуарной обстановке А. Я. Гуревич скорее вступил в конфронтацию с системой на околичастном уровне, нежели попытался реализовать стратегию ускользания.

Если в классическую эпоху М. Фуко фиксирует наличие некоей «зоны беззакония», позволяющей ускользнуть от когтей власти [Фуко 1994: 442], то с наступлением тоталитарного режима эта область стремительно сужается, вызывая к жизни практики, которые можно воспринять как использование власти себе на пользу. Тем самым обнаруживается, например, лакановское понимание субъекта, видимость сущности которого определяется через вписывание себя в символический порядок Большого Другого [Узланер: 29], правила которого будто принимал А. Я. Гуревич, тем самым добиваясь снисхождения.

Мы подходим к одному из ключевых эпизодов академической жизни А. Я. Гуревича в рассматриваемый период – антисемитской кампании, на фоне «академической части» которой эпизоды с А. А. Ахматовой и М. М. Зощенко кажутся ее изолированными проявлениями [Гуревич 2007: 342]. Е. В. Гутнова, также оставившая мемуары об этом времени, более подробно осветила перечень негативных следствий, которые были запущены политикой борьбы с космополитами и объективистами. Особое место в ее нарративе занимает абсурдистский характер происходящего. В своей репризе она охарактеризовала «логику» советского руководства следующим образом: во-первых, с криками «ату» можно было натравить одну часть общества на другую; во-вторых, автор отметила антисемитизм самого И. В. Сталина, вышестованный его отношением к некогда репрессированным партийным бонзам: Л. Б. Каменеву, Г. Е. Зиновьеву и Л. Д. Троцкому; в-третьих, «вождь народов» хотел таким образом укрепить свою поддержку в рядах самых люмпенизированных слоев общества; наконец, в-четвертых, евреев СССР можно было обвинить в связях с евреями США, что было созвучно контексту Холодной войны [Гутнова: 259]. Так или иначе, жертвами кампании оказались преподаватели, пользовавшиеся большим авторитетом как в научной среде, так и среди своих учеников: «Будучи студентом, затем аспирантом, я явился очевидцем этих оргий. Сначала мы были лишь безмолвными свидетелями, а затем оказались сами втянуты в эти акции» [Гуревич 2004: 35]. «Те, кто нас учил, жили в условиях не прекращавшегося, а всего лишь перемежавшегося временными приостановками террора и подвергались зловерной радиации страха на протяжении всей своей сознательной жизни» [Гуревич 2004: 41]. Характерно, что и в других своих работах историк уподобил всепроникающую природу страха «облучению» [Гуревич 2002: 385–386]. Это обращение к временному контексту представляется важным потому, что именно доминанта страха вызывала к жизни особые формы адаптации к нему. Понять степень воздействия страха на жизнь историков сталинского периода можно благодаря в том числе подсчетам М. И. Чириковой и О. Ю. Бессмертной. Так,

в своей автобиографии Е. В. Гутнова употребляет это слово 68 раз [Бессмертная: 5].

Одним из первых «действ» антисемитской кампании, подведшей черту под так называемым «золотым веком» существования кафедры, с этого момента вступившей в период переломного времени [Бессмертная: 8], было «проработочное заседание», инициированное в адрес ряда преподавателей. Центральным сюжетом для нас стал эпизод «проработки» А. И. Неусыхина 23 марта 1949 г., в котором непосредственное участие принял его ученик В. В. Дорошенко. Стенограмма заседания была опубликована в 2007 г. в журнале «Одиссей». Данный источник сам по себе может служить ярким образчиком сталинского идеологического дискурса, с его клишированными оборотами речи о «происках врагов» [Гуревич 2007: 341], однако он не отвечает целям нашей статьи, так как в нем не содержится никакого упоминания о А. И. Неусыхине. Ю. П. Зарецкий в своей работе «Стратегии понимания прошлого» также обширно цитирует стенограмму. Данный фрагмент его работы может быть интересен потому, что автор фокусирует внимание на характере ответов обвиняемых как стратегиях сопротивления и скрытого протеста [Зарецкий 2012: 123], в той или иной мере связанных с нашей тематикой, однако по понятным причинам не содержащей подробной информации об аплодисментах А. Я. Гуревича и некоторых других студентов. Речь об этом пойдет ниже, а пока мы снова обратимся к мемуарам А. Я. Гуревича.

Итак, В. В. Дорошенко обвинил своего наставника в «недостаточно марксистских взглядах» и возникавших в силу этого сложностях, которыми сопровождалась его деятельность под руководством А. И. Неусыхина [Гуревич 2004: 37]. Однако основная часть критики была посвящена работе «Общественный строй древних германцев», в которой автор основывался на допшианских идеях [Зарецкий 2009: 5]. В краткой ответной речи А. И. Неусыхин демонстрировал свое непонимание предъявляемых ему обвинений и отмечал, что честно выполнял свой долг учителя и патриота, подчеркивая при этом свое удовлетворение успехами подопечного. В высшей мере интеллигентный ответ А. И. Неусыхина сопровождался характерными репликами его ученика: «Мы вам верили, а вы нас обманули!» [Гутнова: 162]. В своих мемуарах А. Я. Гуревич пишет о противоположной реакции некоторой части безмолвного доселе зала (могут ли угнетенные говорить?): «...мы, несколько человек молодежи, ему (А. И. Неусыхину. – И. К.) аплодировали». А. Я. Гуревич интерпретировал свою безусловно эмоциональную, человеческую реакцию как «жест поддержки, адресованный преподавателю, подвергнутому оскорбительному обращению» [Гуревич 2004: 37].

Восприятие произошедшего в качестве эпизода ускользания позволяет нам увидеть спонтанное возникновение альтернативной культурной практики, или, говоря языком Ж. Делёза и Ф. Гваттари, линию ускользания, семантически синонимичной «стратегиям ускользания». Речь идет о конфликтности по отношению к системе [Делёз, Гваттари: 601], выходе за пределы господствующих в обществе норм; это некие малые, частные проявления, противопоставленные большим системам [Делёз, Гваттари: 442]. Случаев проявлений подобных линий ускользания в карьере историка было довольно много, и каждый из них позволяет говорить о реализации конверсии своей психической энергии в социальное поле, иными словами – либидиальных инвестированиях [Делёз, Гваттари: 461].

В возникшем контексте «проработки» аплодисменты были призваны продемонстрировать свою основную функцию – выражение поддержки в адрес потерпевшего, противопоставляемым торжественным овациям. Почему мы склонны видеть в них противоположность системе? – главным образом, по причине невозможности (или сопряженностью с большой степенью риска) вербализации этого сочувствия в публичном поле. Разумеется, эти аплодисменты были «правильно» считаны одним из представителей педагогического коллектива «латинистом Домбровским», в весьма характерной манере обратившегося к А. Я. Гуревичу: «Молодой человек, а ведь если сообщить куда следует о ваших аплодисментах, знаете, что с вами будет?» [Гуревич 2004: 38] Любопытно употребление словесной конструкции «куда следует», как бы обозначающей деятельность необходимость донесения информации до структур власти. Скажем лишь, что это событие

запустило постепенный процесс отстранения А. И. Неусыхина от преподавания на кафедре [Гуревич 2004: 39]. Вне всяких сомнений, это было «нахрапистое наступление молодой поросли, оттиравшее учителей на задний план» [Уваров: 88].

Отметим определенную двойственность, которая может возникнуть при обращении к рассматриваемому сюжету. Аплодисменты были вызваны не тем, что речь профессора была блестящей по своему содержанию формой защиты – по крайней мере, такой вывод можно сделать из мемуаров А. Я. Гуревича и Е. В. Гутновой. Но не все так просто. Ю. П. Зарецкий фокусировался на риторической составляющей ответа А. И. Неусыхина, заявившего В. В. Дорошенко: «Вас еще не было на свете, а я уже знал Маркса» [Зарецкий: 114]. Последовавшие после речи историка аплодисменты мы склонны воспринимать, в том числе, как форму сопротивления в виде мягкого протеста. Стенограмма заседания зафиксировала и иные формы противоборства генеральной линии во время выступления А. И. Неусыхина: «смех», «голос с места» [Зарецкий: 114]. Отметим наличие практики по атрибутированию себя, позволяющей сохранить свою идентичность, в данном случае подвергающуюся постоянным атакам со стороны сталинского режима: «Тоталитарное господство стремится свести весьма разных человеческих существ к общему знаменателю» [Арендт: 568]. В рассмотренном случае процесс сопротивления в виде конструирования подобной субъективации демонстрировал А. Я. Гуревич и другая группа молодых людей, аплодировавших своему преподавателю. Неслучайно сам историк уделял большое внимание этой «проработке», ставшей одной из «деталей» процесса субъектности. В частности, А. Я. Гуревич на страницах своей статьи в той или иной мере сводит счеты с С. Н. Сидоровой [Гуревич 2007: 349]. Однако применительно к мемуарам Е. В. Гутновой мы видим пример конфликтной интерпретации, переросший в «войну мемуаров». На каждом витке дискуссии участники обнаруживали в советских шкафах своих оппонентов все новые скелеты – от малосимпатичных деталей до загубленных карьер общих знакомых [Рыжковский]. Для Е. В. Гутновой С. Н. Сидорова была не просто крупным партийным работником, контролировавшим сектор медиевистики, но по своему положению оказавшейся в ситуации, когда она была вынуждена действовать так [Гутнова: 261]. Характерно, что со слов Е. В. Гутновой, она выстроила свой доклад таким образом, чтобы максимально минимизировать присутствие «еврейской части», сместив акцент на методологические вопросы [Гутнова: 261]. Само по себе это также можно воспринимать если не в рамках практики ускользания, то, по крайней мере, как попытку минимизировать остроту воздействия власти на субъекта.

Следующим примером ускользания в исполнении А. Я. Гуревича может быть поддержка параллельных власти сообществ, функционирующих по своим законам. Таким примером может служить кафедра Средних веков, которую историк сравнил с «замечательным оазисом, где приобретались такие ценности, получить которые за его пределами было невозможно» [Гуревич 2004: 15]. Автор явно противопоставляет это сообщество МГУ в целом, что является еще одним аргументом в пользу инаковости этого пространства. Любая социальная сеть состоит из индивидов, связанных некой общей идеей. Помимо общих исследовательских интересов, представители кафедры Средних веков совершали коллективные акты ускользания. Основой этой социальной динамики являлся юмор: «...он был одним из условий нашего существования, без которого можно было повеситься. Шутка была психологическим средством, позволяющим жить и работать несмотря ни на какие ужасы» [Гуревич 2004: 51—52]. Наиболее рельефно этот сюжет находит свое отражение во время празднования А. Я. Гуревичем успешной защиты своей кандидатской диссертации в коммунальной квартире его супруги. В компанию из 15 человек входили также А. И. Неусыхин и Е. А. Косминский: «шутки сыпались из уст профессоров» [Гуревич 2004: 51—52]. И в процессе празднования, и при личных встречах, А. Я. Гуревич, его товарищи и наставники рассказывали друг другу политические анекдоты в щекотливой ситуации, «когда наш дорогой вождь был еще жив» [Гуревич 2004: 52]. Этот кружок любителей анекдотов доходил порой до 20 человек, и это в условиях «расцвета стукачества» [Гуревич 2004: 52]. Посмотрев на это через призму ускользания, мы можем сказать о функционировании некой

социальной группы с общим набором мировоззренческих особенностей по ключевому вопросу – отношению к И. В. Сталину и выстроенной им системе. Связанная с шутками в адрес вождя опасность безусловно рефлексировалась ее представителями, однако мы можем предположить доверительный, если не сказать дружественный характер взаимодействия некоторых членов кафедры истории Средних веков (наверняка практика политического анекдота не замыкалась в ее границах). Наверное, точнее было бы назвать эту сеть не параллельным системе сообществом, а сообществом «подпольным». К тому же анекдоты в сталинское время являли собой ни что иное, как формулу борьбы [Архипова, Мельниченко: 12].

Подводя итог нашей работы, хочется отметить несколько стратегий ускользания, которые можно обнаружить при обращении к автобиографии А. Я. Гуревича. Во-первых, мы можем применять понятие «маленьких повествований», которые А. Я. Гуревич маскировал (возможно, это было подсознательным актом) оболочкой научной полемики. Во-вторых, мы можем говорить о «проскальзывании» как способе взаимодействия с органами власти, нацеленном на формальную легитимацию текущих властных отношений с конечным использованием ее функциональных возможностей в свою пользу. В-третьих, это создание альтернативных системе культурных практик, выражающих невербальную публичную поддержку тому, кого она в лице своих интересантов подвергла остракизму. В-четвертых, мы можем видеть функционирование и поддержку сообщества, критически настроенного в адрес происходящего, и выражающего свое недовольство в форме политических анекдотов и острот в адрес И. В. Сталина.

Таким образом, каждая из рассмотренных стратегий ускользания в исполнении А. Я. Гуревича может быть осмыслена как реализация биологического инстинкта самосохранения в сочетании со стремлением отстоять свою идентичность в процессе движения по пространству академической среды МГУ. Можно увидеть в этом также попытку не повторить судьбу своих сломленных учителей [Гуревич 1994: 15]. Со смертью И. В. Сталина перед исследователем открылись новые горизонты утверждения своей научной идентичности, однако и они сопровождались различными способами социальной маскировки, актуализированными в рамках системы, в несколько меньшей мере, чем раньше, нацеленной на подавление субъекта, – советском авторитаризме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. Москва: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Архипова А. С., Мельниченко М. А. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. Москва : ОГИ, 2009. 408 с.
- Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общества. Москва : Логос, 2005. 390 с.
- Бессмертная О. Ю.* «Война мемуаров»: мотивы страха в рассказах о советском прошлом двух медиевистов-противников и (не)советские субъективности (Е. В. Гутнова и А. Я. Гуревич) // Новое литературное обозрение. 2020. № 162 (2). С. 1 – 29.
- Гуревич А. Я.* Грехопадение советский медиевистов. Дискуссия 1949 г. и ее последствия // Одиссей: человек в истории. 2007. С. 341–350.
- Гуревич А. Я.* «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка // Одиссей: человек в истории. М.: Кругъ, 1994. С. 7–34.
- Гуревич А. Я.* История историка. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 288 с.
- Гутнова Е. В.* Пережитое. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 464 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
- Зарецкий Ю. П.* Актуальное прошлое: стенограмма собрания московских медиевистов

1949 год // «Неприкосновенный запас». 2009. №1(63). С. 1—16

Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 280 с.

Узланер Д. А. Многомерный субъект: верующий в «воображаемом», «символическом» и «реальном» регистрах // Логос. 2016. Т. 26. № 6. С. 21—56.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Москва: Праксис, 2006. 320 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Москва: «Ad Marginem», 1994. 478 с.

Original article

Ivan V. KIRIENKO

master's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
kirienko.ivan97@gmail.com

STRATEGIES OF EVASION: A. YU. GUREVICH'S ACADEMIC LIFE IN THE LATE STALINIST ERA (1945—1953)

Scientific adviser:

Alexander V. Antoshchenko

Reviewer: I. Solomeshch

Paper submitted on: 06/09/2023;

Accepted on: 06/11/2023;

Published on: 06/25/2023

Abstract. The subject of consideration is the special forms of avoidance and leveling of socio-political control, used by the Russian medievalist A. Y. Gurevich at the early stage of his biography. The source base of the article is autobiographical memoirs of A. Y. Gurevich and E. V. Gutnova.

Keywords: A. Я. Gurevich, E. V. Gutnova, A. I. Neusykhin, memoirs, Soviet medieval studies, strategies of evasion, subjectivation, Stalinism

For citation: Kirienko I. V. Strategies of Evasion: A. Yu. Gurevich's Academic Life in the Late Stalinist Era (1945—1953). *StudArctic Forum*. 2022; 8(2): 8—14.